

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

**НЕОСУЩЕСТВЛЕННОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ
А.С. ПУШКИНА К «БОРИСУ ГОДУНОВУ»
(1825–1830 гг.)**

Н.Я. Соловей

В статье предпринята попытка проанализировать в совокупности и в их хронологической последовательности основные суждения Пушкина о «Борисе Годунове» (далее – БГ). Имеются в виду “Наброски предисловия к «Борису Годунову»” (XI, 140–142), незавершенная статья “О Народной драме и драме «Марфа Посадница»” (XI, 177–183), а также другие его высказывания о БГ, наиболее полно представленные текстологами-публикаторами в томах XIII и XIV Полного собрания сочинений Пушкина в 16 томах¹. Отдельные суждения Пушкина о БГ использованы в Комментариях к седьмому тому «Драматические произведения»²; они также привлекали внимание Б.П. Городецкого³.

В трагедии «Борис Годунов» (1824–1825) поэт на материале из русской истории рубежа XVI–XVII вв. утверждает принципы искусства «истинного романтизма» (так он называл тогда нарождающееся направление реализма в мировой литературе).

Автор опасался, что может быть не понят современниками, воспитанными на традициях драматургии классицизма, пока еще не сдавшей своих позиций на русской сцене. Уверенность в необходимости Предисловия возросла после опубликования в «Московском вестнике» в начале 1827 г. сцены «Ночь. Келья в Чудовом монастыре».

В работе поэта над Предисловием можно выделить следующие фазы.

I. Фрагмент чернового письма Н.Н. Раевскому-сыну. Вторая половина июля (после 19-го) 1825 г. Михайловское (на франц. яз. XIII, с. 196–198; перевод: с. 540–542, далее в тексте – Письмо 1825).

Написав к этому времени первые девять сцен трагедии, Пушкин, как это видно из письма Н. Раевского от 10.V.1825 г.⁴, продолжает информировать адресата о работе над БГ и делится размышлениями о «трагедий вообще...» Он ставит при этом несколько теоретических

вопросов. Главный из них – вопрос о «правдоподобию» в драматическом роде литературы. Ставя его, Пушкин затрагивает коренную проблему эстетики – отношения искусства к действительности, о сущности искусства.

Термин «правдоподобие» был предложен сторонниками понимания искусства как подражания природе (действительности). Искусство классицизма было рационалистическим в своей основе. Оно создавалось по правилам, свод которых дал Буало в поэме «Поэтическое искусство». Соблюдение правил должно было способствовать созданию эффекта правдоподобия, как это было принято сторонниками классицизма.

Пушкин понимает правдоподобие иначе, и это видно из высказывания «именно оно-то и исключается самой природой драматического произведения», предназначенного для сцены: «...какое, к чорту, может быть правдоподобие... в зале, разделенной на две половины, в одной из коих помещается две тысячи человек, будто бы невидимых для тех, кто находится на подмостках» (XIII, 541).

Пушкин предлагает собственное понимание этого термина в противовес трем правилам классицизма (единства времени, места и действия), выдвигая одно: «Правдоподобие положений и правдивость диалога – вот истинное правило трагедии». Свою мысль он развивает, опираясь на опыт Шекспира-драматурга: «Читайте Шекспира, он никогда не боится скомпрометировать своего героя, он заставляет его говорить с полнейшей непринужденностью, как в жизни, ибо уверен, что в надлежащую минуту и при надлежащих обстоятельствах он найдет для него язык, соответствующий его характеру» (XIII, 541). Заданность «правил» сковывает художника; верность действительности позволяет создавать многоплановые, цельные характеры.

II. <Письмо к издателю «Московского вестника»>. Начало 1828 г., неопубликованное (XI, 66–69; далее в тексте – Письмо 1828).

После возвращения из ссылки Пушкин пытался издать свою трагедию, в чем ему было отказано. Тем не менее в январе 1827 г. в № 1 «Московского вестника» появляется первая публикация из БГ – «Ночь. Келья в Чудовом монастыре». Эта публикация имела для Пушкина принципиальное значение. В образе Пимена он представил тогдашнему читателю характер древнерусского писателя, вложив в его уста те принципы творчества, которым следовал сам. Эта сцена новизной и талантливостью художественного изображения исторической действительности произвела в свое время впечатление на избранных слушателей, мнением которых Пушкин дорожил (прочитана 12 октября 1826 г., о чем М. Погодин сделал запись в дневнике).

Прежде всего он сообщает о побудительной причине создания БГ. «Читая (в современных журналах. – Н.С.) жаркие споры о романтизме, я вообразил, что и в самом деле нам наскучила правильность и совершенство классической древности и бледные однообразные списки ее подражателей (классицизм и его эпигоны. – Н.С.), что утомленный вкус требует иных, сильных ощущений и ищет их в мутных, но кипящих источниках новой, народной поэзии» (XI, 66).

Далее Пушкин продолжает: «...между тем, внимательно рассматривая критические статьи, помещаемые в журналах, я начал подозревать, что я жестоко обманулся, думая, что в нашей словесности обнаружилось стремление к романтическому преобразованию. Я увидел, что под общим словом романтизм, разумеют произведения, носящие на себе печать уныния или мечтательности...» (XI, 67).

Пушкин незадолго до этого письма создал в 6-й главе «Евгения Онегина» (1826 г., опубликована в марте 1828 г.) элегию Ленского, пародирующую некоторые образцы романтической поэзии. По поводу элегии Ленского Пушкин скажет: «Так он писал *темно* и *вяло* (Что романтизмом мы зовем, Хоть романтизма тут ни мало Не вижу я; да что нам в том?) (VI, 126).

Наблюдая разноречивость представлений о романтизме у многих современников-критиков, Пушкин заключает: «Все это сильно поколебало мою авторскую уверенность. Я начал подозревать, что трагедия моя есть анахронизм» (т.е. создана не ко времени). Рассказав далее о негативной реакции читателей на опубликованную сцену «Ночь. Келья в Чудовом монастыре», Пушкин делает следующий вывод: «Воспитанные под влиянием французской литературы, русские привыкли к правилам, утвержденным ее критикою, и неохотно смотрят на все, что не подходит под сии законы. Нововведения опасны и, кажется, не нужны» (XI, 68).

В Письме 1828 Пушкин сформулировал несколько принципов реалистического творчества: тесная связь искусства с жизнью общества, необходимость улавливать «дух времени» и следовать ему; умение видеть развитие тенденций литературного процесса; ставить и решать неотложные задачи развития литературы.

Критический взгляд на литературные школы и направления, группировки писателей подразумевает отсутствие предвзятости в оценке литературных явлений, умение объективно их характеризовать; необходимо в то же время сохранение творческой независимости, свободы от рабского следования сложившимся канонам художественного творчества. Свою позицию Пушкин определяет так: «...я в литературе скептик (чтоб не сказать хуже) ... все ее секты для меня равны, представляя каждая свою

выгодную и невыгодную сторону. Обряды и формы должны ли суеверно поработать литературную совесть» (XI, 66).

Другим важным принципом является следование традициям отечественной литературы, их дальнейшее развитие как в плане содержания («предмет» творчества), так и формы («язык»): «Зачем писателю не повиноваться принятым обычаям в словесности своего народа, как он повинуется законам своего языка? Он должен владеть своим предметом, несмотря на затруднительность правил, как он обязан владеть языком, несмотря на грамматические оковы» (XI, 66).

Свои мысли о задачах художественного творчества Пушкин сформулировал, уже написав шесть глав «Евгения Онегина», трагедию «Борис Годунов», песни о Стеньке Разине. Поэт к этому времени имел опыт записи народных песен и создания собственных песен в духе народных. Он высоко ценил «Слово о полку Игореве» как выдающийся памятник древнерусской литературы. Примерно в это же время Пушкин напомнит о необходимости знать свойства и законы русского языка, руководствоваться ими в художественном творчестве. В 31 примечании к 7 и 8 стихам XVII строфы 5 главы «Евгения Онегина» (написана в 1826 г.) Пушкин скажет: «В журналах осуждали слова: *хлоп*, *молвь* и *топь* как неудачное нововведение... Не должно мешать свободе нашего богатого и прекрасного языка» (VI, 104, 194).

Наконец, Пушкин говорит о конкретных чертах своего новаторства в БГ, вытекающих из твердой уверенности писателя в том, «что устарелые формы нашего театра требуют преобразования» (XI, 66). Поэт отмечает, что он расположил трагедию свою «по системе Отца нашего Шекспира»; отказался от выгод «системы искусства» французского классицизма (не сохранил единства места, времени и действия, как и «единство слога – сего 4-го необходимого условия французской трагедии, от которого избавлен театр испанский, английский и немецкий»); «...александрийский стих переменял я на пятистопный белый, в некоторых сценах унизился даже до презренной прозы»; «не разделил своей трагедии на действия» (XI, 66, 67).

III. Черновое письмо Н.Н.Раевскому-сыну (?). 30 января или 30 июня 1829 г. Петербург или Арзрум. На франц. яз. (XIV, с.46-48; перевод: 395-396; далее в тексте – Письмо 1829.).

Письмо предположительно адресовано Н.Н.Раевскому-сыну в ответ на его желание познакомиться с трагедией. Предположение это может быть подкреплено фактами: с Н.Н.Раевским Пушкин-лицеист подружился еще в Царском Селе (ноябрь 1814 – май 1815), ему он доверял, к его мнению прислушивался.

Здесь Пушкин впервые говорит о том, что мысли этого письма он намеревается использовать в Предисловии: «если чорт меня попутает написать предисловие», – а поэтому просит адресата письмо сохранить.

В Письме 1829 определены два неперемных условия, обеспечивающих реализм драмы: правдоподобие характеров, правдоподобие положений (обстоятельств; что же касается взаимосвязи характеров и обстоятельств, то она пока еще не подчеркнута).

Пушкин сжато перечисляет новаторские особенности своей трагедии, не называя те из них, о которых он уже говорил в Письме 1828.

Перечислим эти особенности в виде цитат. «По примеру Шекспира я ограничился изображением эпохи и исторических лиц, не стремясь к сценическим эффектам, к романтическому пафосу и т.п.» (XIV, 395); «Стиль трагедии смешанный. Он площадной и низкий там; где мне приходилось выводить людей простых и грубых...» (XIV, 395). Это свидетельствует также о стремлении автора к максимально возможному правдоподобию в изображении картин исторической действительности, к отказу соблюдать «чистоту» жанров. «Меня прельщала мысль о трагедии без любовной интриги», т.е. Пушкин построил БГ на конфликте социальном, а не на любовном, как обычно было принято в трагедиях.

В Письме 1829 Пушкин коснулся также проблемы намеков, возможных соотнесений изображаемых в БГ событий, характеров, высказываний действующих лиц с пушкинской современностью.

«Вот моя трагедия, – начинает Пушкин Письмо 1829, – раз уж вы непременно хотите ее иметь, но я требую, чтобы прежде, чем читать ее, вы перелистали последний том Карамзина. Она полна славных шуток и тонких намеков, относящихся к истории того времени, вроде наших киевских и каменных обиняков. Надо понимать их – *sine qua pop*». Автор прямо указывает на «Историю государства Российского» Карамзина (ему Пушкин посвятил БГ) как на надежное справочное дополнение, необходимое вдумчивому читателю для более глубокого понимания содержания и проблематики БГ.

IV. набросок «С отвращением решаюсь я выдать в свет свою трагедию...» 19 июля. Арзрум. 1829 г. (XI, с. 383; далее – набросок 1829).

V. наброски 1830₁₋₅. На русском и французском языках (XI, 140-142; перевод: с.566-567). На русском языке написаны наброски V₁ и V₂; на французском – V₃, V₄ и V₅.

V₁. «С отвращением решаюсь я выдать в свет свою трагедию...» Мысли, которая высказана в наброске 1829, придана определенная завершенность. Негативные эмоции, возникающие при мысли об издании БГ, объясняются тем, что «неудача «Бориса Годунова» будет мне

чувствительна, а я в ней почти уверен". Так объяснил сложность своего предчувствия писатель.

«C'est une oeuvre bonne de fai» – «Это добросовестное произведение»: «...трагедия сия доставила мне все, чем писателю насладиться дозволено: живое вдохновенное занятие, внутреннее убеждение, что мною употреблены были все усилия, наконец, одобрение малого числа [людей избранных]» (XI, 140).

Набросок 1830₁ завершается упоминанием о Карамзине, которого не было «в числе моих слушателей», но «кому обязан я мыслию моей трагедии, чей гений одушевил и поддержал меня...» (XI, 140).

V₂. «Изучение Шекспира, Карамзина и старых наших летописей...» (XI, с. 140-142: Набросок 1830₂).

В этом наброске Предисловия Пушкин впервые назвал все источники трагедии. «Изучение Шекспира, Карамзина и старых наших летописей дало мне мысль облечь в драматические формы одну из самых драматических эпох новейшей истории. Не смущаемый никаким светским <?> влиянием, Шекспиру я подражал в его вольном и широком изображении характеров... Карамзину следовал я в светлом развитии происшествий, в летописях старался угадать образ мыслей и язык тогдашнего времени» (XI, 140).

Далее Пушкин вновь возвращается к мотиву колебаний перед принятием решения «напечатать свою драму», к размышлениям о последствиях «неуспеха драмы». При этом он заявляет, что раньше мнения журналов о его произведениях «слабо тревожили мое самолюбие», даже «разборы самые оскорбительные» очередных глав «Евгения Онегина» не вызывали потребности ответить на критику «единственно из убеждения, что для нашей литературы il est indifferent, что такая-то глава «Онегина» выше или ниже другой» (XI, 141).

Иное дело БГ: «Но признаюсь искренно, неуспех драмы моей огорчил бы меня, ибо я твердо уверен, что нашему театру приличны народные законы драмы шекспировой, а не придворный обychай трагедий Расина, и что всякий неудачный опыт может замедлить преобразование нашей сцены» (XI, 141).

Набросок 1830₂ завершается важным суждением о необходимости театральной реформы, уже назревшей, но по-прежнему все еще проблематичной: «Дух века требует важных перемен и на сцене драматической. Может быть, и они [не удовлетворят] надежды преобразователей.

Поэт *живущий на высотах создания* яснее видит, может быть, и недостатки справедливых требований и то, что скрывается от взоров волнуемой толпы, но напрасно было бы ему бороться. Таким образом

Lopez de Vega, Шекспир, Расин уступали потоку; но гений, какое направление ни изберет, остается всегда гений – суд потомства отделил золото, ему принадлежащее, от примеси» (XI, 142). Ср. в стихотворении «Поэту» (1830): «Ты царь, живи один!».

Наброски V₃-V₅, написанные на французском языке, ниже приводятся в русском переводе.

V₃. «Я являюсь изменив раннюю свою манеру. Мне нет необходимости пестовать безвестное имя и раннюю юность, и я уже не смею рассчитывать на снисходительность, с какой я был принят. Я не ищу благосклонной улыбки минутной моды. Я добровольно покидаю ряды ее любимцев и смиренно благодарю за ту благосклонность, с какой она встречала мои слабые опыты в течение десяти лет моей жизни» (XI, 566).

V₄. «Когда я писал эту трагедию, я был один, в деревне, никого не видал, читал одни газеты и т.д. ...тем охотнее, что я всегда полагал романтизм единственно пригодным для нашей сцены; я убедился, что ошибался» (XI, 566). Об этом Пушкин более развернуто писал в Письме 1828; под «романтизмом» он подразумевал «истинный романтизм», что позже будет названо реализмом.

«Я испытывал великое отвращение, отдавая читателям свою трагедию, и по крайней мере хотел предварить ее предисловием и сопроводить ее примечаниями. Но нахожу все это совершенно бесполезным» (XI, 566):

О том, что Пушкин предполагал написать Предисловие к БГ, говорилось в Письме 1829. О примечаниях упоминается впервые.

V₅. «К предисловию. Так как читатели и критика...» (XI, 566-567: Набросок 1830₅). В этом отрывке идет речь об изменившихся взаимоотношениях поэта со своими читателями и критикой: «Так как читатели и критика приняли с *страстным снисхождением* мои первые опыты, и такое время, когда строгость и недоброжелательство вероятно отвратили бы меня от избираемого мной поприща, я обязан им полной признательностью и считаю, что они более не в долгу у меня – так как их суровость или безразличие ныне оказывают малое влияние на мои труды» (XI, 566-567). Но на этом работа Пушкина в связи с Предисловием еще не закончилась.

VI. Незавершенная статья «О народной драме и драме «Марфа Посадница»». Конец 1830 г. (XI. 177-183; далее в тексте – МП 1830).

В ноябре 1830 г., находясь в Болдино, Пушкин получил от Погодина рукопись его трагедии «Марфа Посадница» (далее в тексте – МП). Пушкин прочитал ее с большим интересом и решил написать о ней статью, широко использовав материалы неосуществленного Предисловия к БГ.

Мы коснемся лишь нескольких вопросов, затронутых в этой статье.

Пушкин уточнил суждение о правдоподобию. Сравним все три редакции его формулы.

«Правдоподобие положений и правдивость диалога – вот истинное правило трагедии». Письмо 1825 (XIII, 541); «Истинные гении трагедии заботились всегда исключительно о правдоподобию характеров и положений». Письмо 1829 (XIV, 396); «Истина страстей, правдоподобие чувствований в предполагаемых обстоятельствах – вот чего требует наш ум от драматического писателя». МП 1830 (XI, 178).

В Письме 1825 обращено внимание на правдивость обстоятельств (положений) и диалога действующих лиц.

В Письме 1829 формула правдоподобия уточняется: прямо сказано о правдоподобию характеров и положений (обстоятельств). Их взаимосвязь подразумевается. Об этом Пушкин уже писал в Письме 1825, характеризуя особенности диалога у Шекспира.

В МП 1830 Пушкин уделяет внимание психологическому анализу переживаний персонажей в драме. За рассуждением об «истине страстей» стоит опыт работы Пушкина над только что законченными маленькими трагедиями, герои которых во власти таких сильно выраженных чувств, как зависть, страсть к накоплению и скупость, любовная страсть. Выражение «правдоподобие чувствований в предполагаемых обстоятельствах» приобретает универсальное значение и может быть распространено на реалистическую литературу в целом.

В «теоретической» части, которой начинается МП 1830 (XI, с. 177-180), Пушкин делает программное заявление, которого не было в предшествующих редакциях Предисловия к БГ. Он пишет: «Между тем как эстетика со времен Канта и Лессинга развита с такой ясностью и обширностью, мы все еще остаемся при понятиях тяжелого педанта Готштеда; мы все еще повторяем, что прекрасное есть подражание изящной природе и что главное достоинство искусства есть польза» (XI, 177).

Пушкину внутренне близок тип литератора, представленный Лессингом: пытливостью мысли, активным поиском и утверждением новых путей в искусстве, пониманием важности борьбы с изжившим себя классицизмом. Оба писателя стали родоначальниками новой литературы – каждый в своей стране (XI, 177).

В МП 1830 Пушкин не говорит прямо о цели и назначении искусства; он ориентируется на ту линию развития современной эстетической мысли, которую утвердили Лессинг и Кант. Мысли о назначении искусства Пушкин выскажет в 1836 г. в статье «Мнение М.Е. Лобанова о духе словесности как иностранной, так и отечественной», опубликованной в «Современнике»: «Долгое время покорствовав своенравным уставам, давшим ей слишком стеснительные формы, она

(словесность. – *Н.С.*) ударились в крайнюю сторону, и забвение всяких правил стала почитать законною свободой. Мелочная и ложная теория, утвержденная старинными риториками, будто бы *польза* есть условие и цель изящной словесности, сама собою уничтожилась. Почувствовали, что цель художества есть *идеал*, а не *нравоучение*» (XII, 70).

С этих позиций Пушкин изобразил современную и историческую действительность соответственно в «Евгении Онегине» и «Борисе Годунове». Так, идеал женщины он воплотил в образе Татьяны, показав с позиций реалистической эстетики, что этот идеал не абстрактный, как, например, в представлениях романтиков, не дидактический, как у классицистов, а тесно связанный с действительностью, ею объясняемый. В БГ в образе летописца Пимена он представил идеал древнерусского писателя.

В МП 1830 Пушкин касается проблемы правдоподобия отражения действительности в искусстве и вносит уточнения по сравнению с высказываниями в Письме 1825 и в Письме 1829 (см. начало раздела о МП).

Один из вариантов плана статьи МП 1830 заканчивается разделом о качествах, необходимых драматургу реалистического толка: «Что нужно драматическому писателю? Философию, бесстрашие, государственные мысли историка, догадливость воображения, никакого предрассудка любимой мысли. *Свобода*» (XI, с.419). Нам представляется, что пафос этого раздела – в понятии, выраженном словом «*Свобода*» (курсив Пушкина. – *Н.С.*). Оно окрашивает и объединяет перечень качеств, необходимых драматургу-новатору для решения актуальных проблем развития драмы.

В МП, прежде чем высказать свою точку зрения по вопросу о правдоподобию отражения действительности в искусстве, Пушкин делает экскурс в историю развития трагедии в европейских литературах. Отметив, что «Драма родилась на площади и составляла увеселение народное» (XI, 178), что ее основные разновидности – трагедия и комедия – постоянно совершенствовались, Пушкин подытоживает: «Драма стала заведовать страстями и душою человеческою» (XI, 178). В этом ее сущность.

Сходные мысли о правдоподобию в искусстве Пушкин уже высказывал в Письме 1825 и в Письме 1829.

В «теоретической» части статьи о МП Пушкиным ставится проблема идеала писателя с позиций реализма. Все рассуждения он ведет применительно к «драматическому поэту» и к драме как роду литературы, опираясь на свой опыт написания БГ и одновременно анализируя МП Погодина.

Касаясь работы Погодина над МП и его качеств драматурга-новатора, Пушкин вспоминал собственные впечатления и размышления периода работы над БГ и переносил их на автора МП: «Он писал свою трагедию вследствие сильного внутреннего убеждения, вполне предавшись независимому вдохновению, уединясь в своем труде» (XI, 181).

Автор МП «имел целью развитие важного исторического происшествия: падения Новагорода – решившего вопрос о единой державии России» (XI, 181). И это ему вполне удалось: «Мы слышим точно Иоанна – мы узнаем мощный государственный его смысл, мы слышим дух его века. Новгород отвечает ему в лице своих послов. Какая сцена! Какая верность историческая! Как угадана дипломатика русского вольного города!» (XI, 182). Тем не менее разбор МП Пушкин до конца не довел. Он обнаружил ряд недостатков в языке драмы: «Вы неправильны до бесконечности... Ошибок грамматических, противных духу его – усечений, сокращений. – тьма» (XIV, с. 128). БГ напечатан к исходу 1830 г.; драма Погодина увидела свет в конце 1831 г.

Подведем итоги:

1. Наброски предисловия к «Борису Годунову» и неоконченная статья <О народной драме и драме «Марфа Посадница»> – нерасторжимые звенья неосуществленного замысла Пушкина – снабдить Предисловием издание своей новаторской трагедии «Борис Годунов». Придерживаясь сказанного, мы не можем согласиться с противоречивым мнением Б.В.Томашевского: «Эти размышления о драме, связанные, по существу, с «Борисом Годуновым», получили наиболее законченную форму случайно в черновом наброске, с данной трагедией не связанном, а вызванном посторонним поводом – драмой Погодина «Марфа Посадница»⁵.

2. Замысел Предисловия к БГ – «изложить свои мысли и правила, коими руководствовался, сочиняя свою трагедию» (из письма Пушкина Е.Ф.Розену, октябрь – первая половина ноября 1831 г., XIV, 240), – в силу обстоятельств не был осуществлен: наброски к Предисловию представляют интерес в свете тех основ реалистической эстетики, которые сложились в творчестве Пушкина в конце 20-х годов (см. особенно первую половину незавершенной статьи <О народной драме и драме «Марфа Посадница»>).

3. Современное заглавие статьи: <О народной драме и драме «Марфа Посадница»>, предложенное текстологами-пушкинистами, не охватывает всего богатства ее содержания, направляя внимание читателей преимущественно на характеристику поэтом конкретного драматического произведения. Статью, на наш взгляд, следовало бы озаглавить по начальной строке: «Между тем как эстетика со времен Канта и

Лессинга...». Эти слова сразу нацеливают читателя на главное в ней – на размышления о теоретических проблемах литературы реалистического направления, возникшей в России 20-х годов XIX в.

¹Пушкин А.С. Полн. собр. соч. В 16 т. М.; Л.: 1937–1949. Т. XI–1949; т. XIII – 1937; т. XIV – 1941.

²Пушкин А.С. Том седьмой. Драматические произведения. Изд-во АН СССР. [1935]. С.373–375 и сл.

³Городецкий Б.П. Драматургия Пушкина. М.; Л.: 1953. С.87–90 и сл.

⁴Из письма Н.Н.Раевского-сына Пушкину от 10 мая 1825 г. из Белгородки (или: Белой Церкви) (с.535) видно, что впервые о своем замысле написать трагедию Пушкин сообщил Раевскому осенью 1824 г.

⁵Томашевский Б. Пушкин. Книга вторая. Материалы к монографии (1824–1837). М.; Л.: 1961. С.136.

Москва